

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

**СТИХОТВОРНЫЕ
ПОВЕСТИ И СКАЗКИ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

**СТИХОТВОРНЫЕ
ПОВЕСТИ И СКАЗКИ**

*Научный редактор тома
А. Б. Пеньковский*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
Москва 2009

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 06-04-16001

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жиликова, Ф. З. Канунова, О. Б. Лебедева, А. В. Петров, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 4. Стихотворные повести и сказки / Сост. и ред. А. С. Янушкевич. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 640 с.

ISBN 978-5-9551-0296-2

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

Четвертый том включает стихотворные повести и сказки, составляющие особый раздел в творческом наследии поэта. Кроме опубликованных текстов в настоящий том вошли обнаруженные в архивах черновые наброски незавершенных текстов Жуковского, а также конспекты и планы повестей, над которыми работал поэт.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

*На фронтисписе:
В. А. Жуковский. Акварель Г. фон Рейтерна (1832)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0296-2

© А. С. Янушкевич. Редакция тома 4, 2009
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2009

СТИХОТВОРНЫЕ
ПОВЕСТИ И СКАЗКИ

АББАДОНА

Сумрачен, тих, одинокий, на ступенях подземного трона
Зрелся от всех удален Серафим Аббадона. Печальной
Мыслью бродил он в минувшем: грозно вдали перед взором,
Смутным, потухшим от тяжкия тайныя скорби, являлись
Мука на муке, темная вечности бездна. Он вспомнил
Прежнее время, когда он, невинный, был друг Абдила,
Светлое дело свершившего в день возмущенья пред Богом:
К трону Владыки один Абдил, не прельщен, возвратился.
Другом влекомый, уж был далеко от врагов Аббадона;
10 Вдруг Сатана их настиг, в колеснице, гремя и блистая;
Звучно торжественным кликом зовущих грянуло небо;
С шумом помчались рати мечтой божества упоенных —
Ах! Аббадона, бурей безумцев от друга оторван,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдила;
Тьмой божества отуманенный, взоров молящих не видит;
Друг позабыт: в торжестве к полкам Сатаны он примчался.
Мрачен, в себя погружен, пробегал он в мыслях всю повесть
Прежней, невинныя младости; мыслил об утре создания.
Вкупе и вдруг сотворил их Создатель. В восторге рожденья
20 Все вопрошали друг друга: «Скажи, Серафим, брат небесный,
Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль существуешь, и зрел ли
Прежде меня? О! поведай, что мыслишь? Нам вместе бессмертье».
Вдруг из дали светозарной на них благодатью слетела
Божия слава; узрели все небо, шумящее сонмом
Новосозданных для жизни; к Вечному облако света
Их вознесло, и, завидев Творца, возгласили: «Создатель!» —
Мысли о прошлом теснились в душе Аббадоны, и слезы,
Горькие слезы бежали потоком по впалым ланитам.
С трепетом внял он хулы Сатаны, и воздвигся, нахмурен;
30 Тяжко вздохнул он трикраты — так в битве кровавой друг друга
Братья сразившие тяжко в томленье кончины вздыхают, —
Мрачным взором окинув совет Сатаны, он воскликнул:

«Будь на меня вся неистовых злоба — вещать вам дерзаю!
Так, я дерзаю вещать вам, чтоб Вечного суд не сразил нас
Равною казнию! Горе тебе, Сатана-возмутитель!
Я ненавижу тебя, ненавижу, убийца! Вовеки
Требуи Он, наш Судия, от тебя развращенных тобою,
Некогда чистых наследников славы! Да вечное: горе!
Грозно гремит на тебя в сем совете духов погубленных!
40 Горе тебе, Сатана! Я в безумстве твоём не участник!
Нет, не участник в твоих замысленьях восстать на Мессию!
Бога-Мессию сразить!.. О ничтожный, о ком говоришь ты?
Он Всемогущий, а ты пресмыкаешься в прахе, бессильный
Гордый невольник... Пошлет ли смертному Бог искупление,
Тлена ль оковы расторгнуть помыслит — тебе ль с Ним бороться!
Ты ль растерзаешь бессмертное тело Мессии? Забыл ли,
Кто Он? Не ты ль опален всемогущими громами гнева?
Иль на челе твоём мало ужасных следов отверженья?
Иль Вседержитель добычею будет безумства бессильных?
50 Мы, заманившие в смерть человека... о горе мне, горе!
Я ваш сообщник!.. Дерзнем ли восстать на Подателя жизни?
Сына Его, Громовержца, хотим умертвить — о безумство!
Сами хотим в слепоте истребить ко спасенью дорогу!
Некогда духи блаженные, сами навеки надежду
Прежнего счастья, мук утolenия мчимся разрушить!
Знай же, сколь верно, что мы ощущаем с сугубым страданьем
Муку паденья, когда ты в сей бездне изгнанья и ночи
Гордо о славе твердишь нам; столь верно и то, что сраженный
Ты со стыдом на челе от Мессии в свой ад возвратишься». 60
Бешен, кипя нетерпеньем, внимал Сатана Аббадоне;
Хочет с престола в него он ударить огромной скалою —
Гнев обессилил поднятую грозно с камнем десницу!
Топнул, яряся, ногой и трижды от бешенства вздрогнул;
Молча воздвигшись, трижды сверкнул он в глаза Аббадоны
Пламенным взором, и взор был от бешенства ярок и мрачен:
Но презирать был не властен. Ему предстоял Аббадона,
Тихий, бесстрашный, с унылым лицом. Вдруг воспрянул свирепый
Адрамелех, Божества, Сатаны и людей ненавистник.
«В вихрях и бурях тебе я хочу отвечать, малодушный;
70 Гряну грозою ответ, — сказал он. — Ты ли ругаться
Смеешь с богами? Ты ли, презреннейший в сонме бесплотных,

В прахе своем Сатану и меня оскорблять замыслиаешь?
Нет тебе казни; казнь твоя: мыслей бессильных ничтожность.
Раб, удались; удались, малодушный; прочь от могущих;
Прочь от жилища царей; исчезай, неприметный, в пучине;
Там да создаст тебе царство мучения твой Вседержитель;
Там проклинай бесконечность, или, ничтожности алчный,
В низком бессилии рабски пред небом глухим пресмыкайся.
Ты же, отважный, средь самого неба нарекшийся Богом,
20 Грозно в кипении гнева на брань полетевший с Могущим,
Ты, обреченный в грядущем несметных миров повелитель,
О Сатана, полетим; да узрят нас в могущество духи;
Да поразит их, как буря, помыслов наших отважность!
Все лабиринфы коварства пред нами: пути их мы знаем;
В мраке их смерть; не найдет Он из бедственной тьмы их исхода.
Если ж, наставленный небом, разрушит Он хитрые ковы, —
Пламенны бури пошлем, и Его не минует погибель.
Горе, земля, мы грядем, ополченные смертью и адом;
Горе безумным, кто нас отразить на земле возмечтает!»
90 Адрамелех замолчал, и смутилось, как буря, собрание;
Страшно от топота ног их вся бездна дрожала; как будто
С громом утес за утесом валился; с кликом и воем,
Гордые славой грядущих побед, все воздвиглися; дикий
Шум голосов поднялся и отгрянул с востока на запад;
Все заревели: «Погибни, Мессия!» От века создание
Столь ненавистного дела не зрело. С Адрамелехом
С трона пошел Сатана, и ступени, как медные горы,
Тяжко под ними звенели; с криком, зовущим к победе,
Кинулись смутной толпой во врата растворенные ада.
100 Издали, медленно, следом за ними летел Аббадона;
Видеть хотел он конец необузданно-страшного дела.
Вдруг нерешимой стопою он к Ангелам, стражам Эдема,
Робко подходит... Кто же тебе предстоит, Аббадона?
Он, Абдиил, непреклонный, некогда друг твой... а ныне?..
Взоры потупив, вздохнул Аббадона. То удалиться,
То подойти он желает; то в сиротстве, безнадешный,
Он в беспредельное броситься хочет. Долго стоял он,
Трепетен, грустен; вдруг, ободрясь, приступил к Абдиилу;
Сильно билось в нем сердце; тихие слезы катились,
110 Ангелам токмо знакомые слезы, по бледным ланитам;

Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепет,
Смертным и в самом боре с концом не испытанный, мучил
В робком его приближень... Но, ах! Абдиловы взоры,
Ясны и тихи, неотвратно смотрели на славу
Вечного Бога; его ж Абдил не заметил. Как прелесть
Первого утра, как младость первой весны мироздания,
Так Серафим блистал, но блистал он не для Аббадоны.
Он отлетел, и один, посреди опустевшего неба,
Так невнимаемым гласом зывал издали к Абдилу:
120 «О Абдил, мой брат, иль навеки меня ты отринул?
Так, навеки я розно с возлюбленным... страшная вечность!
Плачь обо мне, все творение; плачьте вы, первенцы света;
Он не возлюбит уже никогда Аббадоны, о, плачьте!
Вечно не быть мне любимым; увяньте вы, тайные сени,
Где мы беседой о Боге, о дружбе нежно сливались;
Вы, потоки небес, близ которых, сладко объемясь,
Мы воспевали чистою песнию Божию славу,
Ах! замолчите, иссякните: нет для меня Абдила;
Нет, и навеки не будет. Ад мой, жилище мученья,
130 Вечная ночь, унывайте вместе со мною: навеки
Нет Абдила; вечно мне милого брата не будет».
Так тосковал Аббадона, стоя перед восходом в созданье.
Строем катилися звезды. Блеск и крылатые громы
Встречу ему Орионов летящих его утрашили;
Целые веки не зрел он, тоской одинокой томимый,
Светлых миров; погружен в созерцанье, печально сказал он:
«Сладостный вход в небеса, для чего загражден Аббадоне?
О! для чего не могу я опять залететь на отчизну,
К светлым мирам Вседержителя, вечно покинуть
140 Область изгнанья? Вы, солнца, прекрасные чада создания,
В оный торжественный час, как, блистая, из мощной десницы
Вы полетели по юному небу, — я был вас прекрасней.
Ныне стою, помраченный, отверженный, сирый изгнанник,
Грустный, среди красоты мироздания. О небо родное,
Видя тебя, содрогаюсь: там потерял я блаженство;
Там, отказавшись от Бога, стал грешник. О мир непорочный,
Милый товарищ мой в светлой долине спокойствия, где ты?
Тщетно! одно лишь смятение при виде небесных слав
Мне Судия от блаженства оставил — печальный остаток!

150 Ах! для чего я к нему не дерзну возгласить: „Мой Создатель“?
Радостно б нежное имя Отца уступил непорочным;
Пусть неизгнанные в чистом восторге: „Отец“, восклицают.
О Судия непреклонный, преступник молить не дерзает,
Чтоб хоть единым ты взором его посетил в сей пучине.
Мрачные, полные ужаса мысли, и ты, безнадежность,
Грозный мучитель, свирепствуй!.. Почто я живу? О ничтожность!
Или тебя не узнать?.. Проклинаю сей день ненавистный,
Зревший Создателя в шествии светлом с пределов востока,
Слышавший слово Создателя: „Буди!“ Слышавший голос
160 Новых бессмертных, вещавших: „И брат наш возлюбленный создан“.
Вечность, почто родила ты сей день? Почто он был ясен,
Мрачностью не был той ночи подобен, которою Вечный,
В гневе своем несказанном, Себя облакает? Почто он
Не был, проклятый Создателем, весь обнажен от созданий?..
Что говорю?.. О хулиТЕЛЬ, кого пред очами создания
Ты порицаешь? Вы, солнца, меня опалите; вы, звезды,
Грядите ко мне на главу и укройте меня от престола
Вечных правды и мщенья; о Ты, Судия непреклонный,
Или надежды вечность Твоя для меня не скрывает?
170 О Судия, ты Создатель, Отец... что сказал я, безумец!
Мне ль призывать Иегову. Его нарицать именами,
Страшными грешнику? Их лишь дарует один ПримириТЕЛЬ;
Ах! улетим; уж воздвиглись Его всемогущие громы
Страшно ударить в меня... улетим... но куда?.. где отрада?»
Быстро ударился он в глубину беспредельных бездн...
Громко кричал он: «Сожги, уничтожь меня, огонь-разрушитель!»
Крик в беспредельном исчез... и огонь не притек разрушитель.
Смутный, он снова помчался к мирам, и приник, утомленный,
К новому пышно-блестящему солнцу. Оттоле на бездны
180 Скорбно смотрел он. Там звезды кипели, как светлое море;
Вдруг налетела на солнце заблудшая в бездне планета;
Час ей настал разрушенья... она уж дымилась и рдела...
К ней полетел Аббадона, разрушиться вкупе надеясь...
Дымом она разлетелась, но ах!.. не погиб Аббадона!

КРАСНЫЙ КАРБУНКУЛ

Сказка

Дедушка резал табак на прилавке; к нему подлетела
С видом умильным Луиза. «Дедушка, сядь к нам, голубчик;
Сядь, расскажи нам, как помнишь, когда сестра Маргарета
Чуть не заснула». Вот Маргарета, Луиза и Лотта
С донцами, с пряжей проворно подсели к огню и примолкли;
Фриц, наколовши лучины, придвинул к подсвечнику лавку,
Сел и сказал: «Мне смотреть за огнем»; а Энни, на печке
Нежась, поглядывал вниз и думал: «Здесь мне слышнее».
Вот, табаку накрошивши, дедушка вычистил трубку,
10 Туго набил, подошел к огоньку, осторожно приставил
Трубку к горящей лучине, раза два пыхнул — струею
Легкий дымок побежал; он, пальцем огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрыл и сказал: «Послушайте, дети,
Будет вам сказка; но с уговором — дослушать порядком;
Слова не молвить, пока не dokonчу; а ты на печурке
Полно валяться, ленивец; опять, как в норе, закопался;
Слезь, говорят. Ну, дети, вот сказка про *красный карбункул*.
Знайте: есть страшное место; на нем не пашут, не сеют;
Боле ста лет, как оно густою крапивой заглохло;
20 Там дрозды не поют, не водятся летние птички;
Там стерегут огромные жабы проклятое тело.
Всем был Вальтер хорош, и умен, и проворен; но рано
Стал он трактиры любить; не псалтырь, не молитвенник — карты
Брал он по праздникам в руки, когда христиане молились.
Часто ругался он именем Бога так страшно, что ведьма,
Сидя в трубе, творила молитву, и звезды дрожали.
Вот однажды косматый стрелок в зеленом кафтане
Молча смотрел на игру их, и слушал, с какими божбами
30 Карту за картой и деньги проигрывал бешеный Вальтер.
«Ты не уйдешь от меня!» — проворчал, покосившись, Зеленый.
«Верно рекрутский наборщик?» — шепнула хозяйка, подслушав.
Нет, то был не рекрутский наборщик, узнаете сами,
Только что женится Вальтер и все промытарит на картах.
Где же, скажите, у Мины был ум? Из любви согласилась
Мина за Вальтера выйти; да! из любви... но к нему ли?..
Нет, друзья, не к нему: к отцу, к матери — им в угождение.

Слушайте ж: за день до свадьбы Мина с печалью заснула;
Вот ей страшный, пророческий сон к полуночи приснился;
Видит, будто куда-то одна идет по дороге;
40 Черный монах на дороге стоит и читает молитву.
«Честный отец, подари мне святой образок; я невеста.
Вьнь мне: что вынешь, тому и со мной неминуемо сбыться».
Долго, долго качал головою чернец; из мошечки
Горсть образочков достал он. «Сама выбирай», — говорит ей.
Вот она вынула... что ж ей, подумайте, вынулось? Карта.
«Туз бубновый, не так ли? Плохо: ведь *красный карбукул*
Значит он... доля недобрая». — «Правда», — Мина сказала.
«Мой совет, — говорит ей чернец, — попытаться в другой раз.
50 Что? Семерка крестовая?» — «Правда», — сказала, вздохнувши,
Мина. «Господь защити и помилуй тебя! Вьнь, дружок,
В третий раз; может быть, лучше удастся. Что там? Червонный
Туз?.. Кровавое сердце». — «Ах, правда!» — Мина сказала,
Карту из рук уронивши. «Послушай, отведай еще раз.
Что? Не туз ли виновый?» — «Смотри, я не знаю». — «Он, точно!
Ах! невеста, черный заступ, заступ могильный;
Горе, горе! молися, дружок: он тебя закопает».
Вот что, друзья, накануне свадьбы приснилось Мине.
Что ж, помогло предвещанье? Все Мина за Вальтера вышла.
Мина подумала, Мина сказала: «Как Богу угодно!»
60 Семь крестов да кровавое сердце; а после... что ж после?
Воля Господня! пусть черный мой заступ меня закопает».
Дети, сначала было ей сносно: хоть Вальтер и часто
Пил и играл, и святыней ругался, и бедную мучил;
Но случалось, что, тронутый горем ее и слезами,
Он утихал — и вот что однажды сказал он ей: «Слушай;
Я от игры откажусь и карты проклятые брошу;
Душу возьми Сатана, как скоро хоть пальцем их трону.
Но отстать от вина — и во сне не проси; не отстану.
Плачь и крушися, как хочешь; хоть с горя умри; не поможешь».
70 Ах! друзья, не сдержал одного, да сдержал он другое.
Вот пришел он в трактир; а Зеленый уж там, и тасует
Карты, сидя за столом сам-третей, и Вальтера кличет:
«Вальтер, со мной пополам; садись, сыграем игорку». —
«Я не играю», — Вальтер сказал и пива напенил
Полную кружку. «Вздор! — возразил, сдавая, Зеленый. —

Мы играем не в деньги, а даром; садись, не упряйся».

«Что же? (думает сам в себе Вальтер) если не в деньги,

То и игра не в игру...» — и садится рядом с Зеленым.

Вот белокуренький мальчик к окну подошел и стучится.

20 «Вальтер (кличет он), Вальтер, послушай, выдь на словечко».

Вальтер ни с места. «После приди, — говорит он. — Что козырь?»

Взятку берет он за взяткой. «Ты счастлив, — заметил Зеленый. —

Дай, сыграем на крейцер; безделка!» Задумался Вальтер.

«В деньги иль даром... игра все игра. Согласен», — сказал он.

«Вальтер (кличет мальчик опять и пуще стучится),

Выдь на минутку; словечко, не боле». — «Отстань же, не выду;

Козырь!.. туз бубновый!.. семерка крестовая!.. козырь!»

Крейцер да крейцер, а там, поглядишь, вынимай и дублоны.

Кончив игру, Зеленый сказал: «Со мною нет денег.

90 Хочешь ли? Вот тебе перстень; возьми: он стоит дороже;

Камень редкий, карбункул; в нем же есть тайная сила».

В третий раз кличут в окошко: «Выдь, Вальтер, пока еще время». —

«Пусть кричит, — Зеленый сказал, — покричит и отстанет.

Что ж, возьмешь ли мой перстень? Бери, в убытке не будешь.

Знай: как скоро нет денег, ты перстень на палец да смело

Руку в карман — и вынется звонкий, серебряный талер.

Но берегись... раз на день не боле; и в будни, не в праздник;

Слышишь ли, слышишь ли, Вальтер? Я сам не советую в праздник.

Если ж нужда случится во мне; ты крикни лишь: *Бука!*

100 (*Букой* слыву я в народе) — откликнусь тотчас. До свиданья».

Что-то делает Минна?.. Одна, запершись в каморке,

Минна сидит над разодранной Библией в тяжелой печали.

Муж пришел, и война поднялась. «Ненасытная плакса,

Долго ль молитвы тебе бормотать? Когда ты уймешься?

Вот, горемыка, смотри, что я выиграл: перстень, карбункул».

Минна, взглянув, обомлела: карбункул! Творец милосердый,

Доля недобрая!.. сердце в ней сжалась, и замертво пала...

Бедная Минна, зачем ты, зачем ты в себя приходила?

Сколько б кручины жестокой тебя миновало на свете.

110 Вот чем дале, тем хуже; день ли в деревне торговый,

Ярманка ль в праздник у церкви — Вальтер наш там. Кто заглянет

В полночь в трактир, иль в полдень, иль в три часа пополудни —

Вальтер сидит за столом и тасует крапленые карты.

Брошены дети; что было, то сплыло; поле за полем

Проданы все с молотка, и жена пропадает от горя.
Дома же только и дела, что крик, да упреки, да слезы;
Нынче драка, а завтра к Пастору, а там для ответа
В суд, а там и в тюрьму на хлебе с водой попоститься.
Плох он пойдет, а воротится хуже. Бука не дремлет;
120 Бука в уши свистит и желчи в кровь подливает.
Так проходят семь лет. Ну, послушайте ж: Вальтера Бука
Вывел опять из тюрьмы. «Не зайти ль по дороге, — сказал он, —
Выпить чарку в трактире? С чем ты покажешься дома?
Как тебя примут? Ты голоден, холоден, худ и оборван.
Что на свиданье жена припасла, то тебя не согреет.
Правду молвить, ты мученик; лопнуть готов я с досады,
Видя, какую ты от жены пьешь горькую чашу.
Много ль подобных тебе? Что сутки, то талер, и даром.
Правда пословица: счастлив игрою, несчастлив женою.
130 Будь ты один — и ни забот, ни хлопот; женился — каков ты?
Нет лица на тебе; как усонший; кожа да кости.
Выпей же чарку, дружок: авось на душе просветлеет». —
Мина тем временем, руки к сердцу прижавши, в потемках
Дома сидит одинешенька, смотрит сквозь слезы на небо. —
«Так, семь лет, семь крестов!.. (и слезы ручьем полилися)
Все, как должно, сбылось; пошли же конец, мой Создатель!», —
Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усоншем.
Вдруг растворилась дверь, и Вальтер вбежал, как безумный.
«Плачешь, змея? (загремел он) плачь! Теперь не напрасно!
140 Ужин, проворнее!» — «Где взять? Все пусто; в доме ни корки». —
«Ужин, тебе ль говорят? Хоть тресни, иль нож тебе в сердце!» —
«Что ж, чем скорее, тем лучше: в могилу снесут, да и только;
Мне же там быть не одной: детей давно ты зарезал». —
«Сгинь же!» — он гаркнул... и Мина в крови ударилась об пол.
«Ах! мое кровавое сердце! (она простонала)
Где ты, заступ? Твоя черда: закопай меня в землю». —
Ужас, как холод, облил убийцу... бежит неоглядкой;
Ночь; под ним шевелится земля; в орешнике шорох.
«Бука, где ты?» — он крикнул... Громко откликнулось в поле.
150 Бука стоит за орешником..., выступил... «Что ты?» — спросил он.
«Бука... я Мину зарезал... скажи, присоветуй, что делать?..» —
«Только? — тот возразил. — Чего ж испугался, безмозглый?
Мину зарезал — великое диво! туда и дорога!

Но... послушай, здесь оставаться теперь не годится;
Будет плохо; Рейн близко — ступай, переедем;
Лодка у берега есть». — Садятся, плывут, переплыли,
На берег вышли и по полю бегом. В сторонке, в трактире
Светится свечка. Зеленый сказал: «Зайдем на минутку;
Тут есть добрые люди; помогут тебе разгуляться».
160 Входят. В трактире сидят запоздалые, пьют и играют.
Вальтер с Зеленым подвинулись к ним, и война закипела.
«Бей!» — кричат. «Подходи!» — «Я лопнул!» — «Козырь!» — «Зарезал!»
Вот они козыряют, а маятник ходит да ходит.
Стрелка взошла на двенадцать... Ах! Белокуренький мальчик,
Стукни в окошко!.. Не стукнет: дело кончается, Вальтер.
Как же ты плохо играешь!.. *зарезал...* глубоко, глубоко
В сердце к нему заронилось тяжелое слово; а Бука,
Только, что взятку возьмут, повторит да на Вальтера взглянет.
Вот пробило двенадцать. К Вальтеру масть, как на выбор,
170 Все негодная сыплет; мелком он проигрыш пишет.
Вот... и первого четверть. С перстнем на пальце он руку
Всунул в карман: «Разменяйте мне талер». Плохая монета,
Вальтер, плохая монета: в кармане битые стекла...
Руку отдернув, в страхе глаза он уставил на Буку;
Бука сидит да винцо попивает, и нет ему дела.
«Вальтер (допивши, сказал он), пора! хозяин уж дремлет.
Нынче праздник, двадцать пятое августа; много
Будет в трактире гостей; пойдем, зачем нам тесниться?
Полно перстнем вертеть; не трудись, ничего не добудешь».
180 *Праздник!* .. Ах! Вальтер, как бы ты рад был ослышаться! как бы
Рад был ногами к столу прирасти, чтоб не сдвинуться с места!
Поздно, поздно; ничто не поможет... Бледен, как мертвый,
Встал он, ни слова не молвил, и в поле темное с Букой —
Бука вперед, а он позади — побрел, как ягненок
Вслед за своим мясником бредет к кровавой колоде.
Бука ставит его на выстрел ружейный от места.
«Видишь, Вальтер? — сказал он. — Звезды на небе смеркли.
Видишь? Тяжелыми тучами небо кругом обложилось;
Воздух душен; ветка не тронется; листик не дрогнет.
190 Вальтер, что же ты так замолчал?.. Уж не молишься ль, Вальтер?
Или считаешь свой проигрыш? Все проиграл невозвратно.
Как быть! а выбор остался плохой, я сам признаюсь.

Вот тебе нож... я украл у убийцы, когда обдирал он
Мертвое тело... зарежь себя сам, так за труд не заплатишь». —
Так рассказывал дедушка внукам. Чуть смея дыханье
В страхе отвести, говорит ему бабушка: «Скоро ль ты кончишь?
Девки боятся; на что их страшить небывальщиной? Полно!» —
«Я докончил, — старик отвечал. — Там лежит он, и с перстнем
В дикой крапиве, где нет дроздов и не водятся птишки». —
Тут Луиза примолвила: «Бабушка, кто же боится?
Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?
Я добралась: Бука есть *искушение злое*.
Разве не вводит оно нас в грех и в напасти, когда мы
Бога не помним, советов не любим, не делаем дела?
Мальчик в окошечке... кто он? Верный учитель наш, *совесть*.
О! я дедушку знаю, я знаю и все его мысли».

ПЕРИ И АНГЕЛ

Повесть

Однажды Пери молодая
У врат потерянного рая
Стояла в грустной тишине;
Ей слышалось: в той стороне,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райские ключи,
И неба райского лучи
Лились в полуотверзты двери;
На крылья одинокой Пери;
И тихо плакала она
О том, что рая лишена.
«Там духи света обитают;
Для них цветы благоухают
В неувядаемых садах.
Хоть много на земных лугах
И на лугах светил небесных,
Есть много и цветов прелестных:
Но я чужда их красоты —
Они не райские цветы.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЕ ПОВЕСТИ И СКАЗКИ

Аббадона	9
Красный карбункул. <i>Сказка</i>	14
Пери и Ангел. <i>Повесть</i>	19
Шильонский узник. <i>Повесть</i>	36
Перчатка. <i>Повесть</i>	48
Неожиданное свидание. <i>Быль</i>	50
Две были и еще одна	52
Сражение с змеем. <i>Повесть</i>	61
Суд Божий. <i>Повесть</i>	65
Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери	68
Война мышей и лягушек. <i>Сказка (Отрывок)</i>	79
Спящая царевна. <i>Сказка</i>	87
Суд в подземелье. <i>Повесть (Отрывок)</i>	97
Ундина. <i>Старинная повесть</i>	113
Маттео Фальконе. <i>Корсиканская повесть</i>	179
Капитан Бопп. <i>Повесть</i>	185
Две повести. Подарок на Новый год издателю «Москвитянина»	193
Выбор креста. <i>Повесть</i>	205
Тюльпанное дерево. <i>Сказка</i>	206
Кот в сапогах. <i>Сказка</i>	216
Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке	222
Повесть об Иосифе Прекрасном	254
Египетская тма (Опыт подражания Библейской поэзии)	264
Странствующий жид	266

Из черновых рукописей и незавершенных текстов

Бальзора	310
Весна	310
Сокол. <i>Сказка</i>	311
Оберон	312
Родриг	315
Эллена и Гунтрам	316
Белокурый Экберт	318
〈Военный суд на Мальте〉	319
〈Фридрих и Гела〉	320
«Карл Великий дал однажды...»	321

Чаша слёз.	323
Альфы.	324
Проданное имя	325
«Часто в прогулках моих одиноких мне попадался...»	329
⟨Первое переложение Апокалипсиса⟩	330
⟨Второе переложение Апокалипсиса⟩	351

Конспекты и планы

Весна	355
Владимир.	365
Дева озера	370
Родрик и Изора	373

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич. Повести и сказки Жуковского	383
Примечания к текстам произведений	391
Условные сокращения	630

Научное издание

Василий Андреевич Жуковский
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В двадцати томах

Том 4
Стихотворные повести и сказки

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева
Корректоры З. Полосухина, А. Полякова
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 10.12.2008. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная,
гарнитуры: Елизаветинская, Баскервилл.
Усл. п. л. 51,6. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Тел.: 607-86-93. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

ISBN 978-5-9551-0296-2

9 785955 102962 >